

УДК 93/94

С. Н. Рудник, Д. А. Шмачков

**ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОБОРОНЫ  
СЕВАСТОПОЛЯ В ИЮНЕ – ИЮЛЕ 1942 ГОДА**

Гитлеровское руководство хорошо понимало стратегическое значение Крымского полуострова. С началом войны с Крымского плацдарма советская авиация наносила удары по портам и нефтеносным районам Румынии, столь важным для военной машины Германии. После захвата полуострова Гитлер планировал выселить всех жителей из Крыма и превратить его в «немецкую Ривьеру». 24 сентября 1941 года 11-я немецкая армия Э. фон Манштейна и румынский горный корпус перешли в наступление на Перекоп. В октябре гитлеровцы прорвали слабую оборону 51-й Отдельной армии и начали стремительно продвигаться по просторам Крыма. К середине ноября немцы захватили весь Крым, за исключением Севастополя.

В октябре 1941 г. Отдельная Приморская армия и личный состав Одесской военно-морской базы были перевезены без потерь на кораблях в Севастополь. Город готовился к осаде. Севастопольцы возвели почти 100 км оборонительных рубежей. Под землей, в штольнях, подвалах были оборудованы госпитали, склады, оружейные мастерские. Советское командование во главе с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Ф.С. Октябрьским разделило оборонительный район на четыре сектора. 30 октября вражеские войска предприняли первый штурм Севастополя. Оплотом обороны города были береговые башенные батареи. 30 октября 1941 г. первой в бой с врагом вступила батарея № 54, располагавшаяся на берегу моря в 40 км севернее Севастополя. Ее гарнизон насчитывал около 150 человек. Вооружение состояло из четырех 102-мм морских орудий. Отрезав батарею от Севастополя, немцы три дня обстреливали и бомбили ее. Защитники батареи уничтожили более 30 бронемашин и другой техники противника. 2 ноября немцы ворвались на батарею. Командир батареи старший лейтенант И.И. Заика с группой бойцов прикрывали отход оставшихся

в живых защитников батареи. Заика пробрался к партизанам и долго сражался в их рядах. 1 ноября открыла огонь по скоплению вражеской техники у ст. Альма самая мощная батарея № 30, находившаяся на Северной стороне города. Командовал ею капитан Г.А. Александер. Гитлеровцы называли эту батарею «Максим Горький I», а батарею № 35 такого же калибра – «Максим Горький II». Экипажи моряков сходили на берег и шли навстречу врагу. Первый штурм города продолжался три недели. 7 ноября немцы захватили Ялту. Но взять Севастополь с ходу им не удалось.

На рассвете 17 декабря враг предпринял второе наступление, которое также было отбито. Большую роль в отражении наступления врага сыграли авиация и корабли Черноморского флота. Каждую ночь в Севастополь приходили корабли и транспортные суда с пополнением, боеприпасами и снаряжением. В море экипажи этих кораблей подстерегали мины, вражеские подводные лодки, торпедные катера. Гитлеровская авиация не щадила никого. Так, 7 ноября 1941 г. недалеко от Ялты фашистский самолет торпедировал теплоход «Армения», на борту которого было несколько тысяч раненых бойцов и эвакуируемых граждан. Корабль, шедший с отличительными знаками санитарного транспорта из Севастополя на Кавказ, затонул за 4 минуты. Спасти удалось только восьмерых.

В результате Керченско-Феодосийской десантной операции (декабрь 1941 г. – январь 1942 г.) советские войска освободили Керченский полуостров, города Керчь и Феодосию (правда, 18 января враг вновь отбил город). Гитлеровское командование вынуждено было прекратить атаки на Севастополь и перебросить часть сил на Керченский полуостров.

В мае 1942 года советские войска потерпели тяжелое поражение в районе Керчи (в плен попало около 180 тыс. человек) и вынуждены были оставить Керченский полуостров. Обстановка в районе Севастополя резко ухудшилась. Немцы сосредоточили на аэродромах Крыма и на посадочных площадках вблизи Севастополя авиацию, что позволило противнику установить воздушную блокаду окруженного города. Гитлеровское командование рассчитывало захватить Севастополь в течение четырех-пяти дней, а высвободившуюся после этого 11-ю армию направить на Кавказ для захвата нефтяных районов. План командующего немецкой 11-й армии генерал-полковника Э. фон Манштейна предусматривал нанесение двух охватыва-

ющих ударов – с севера и юго-востока – с целью окружения наших войск в районе восточнее города. Гитлеровцы дали этой операции по захвату Севастополя кодовое название «Лов осетра». Решающей силой врага была артиллерия и авиация. Гитлеровцы сосредоточили под Севастополем 2045 орудий и минометов. По признанию Манштейна, «во второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь» [1, с. 274]. В числе артиллерии были два специальных орудия типа «Карл» калибра 600 мм. Кроме того, под Севастополь гитлеровцы доставили знаменитую пушку «Дора», изготовленную для обстрела французской линии Мажино, но использовать ее там не успели. Длина ствола орудия составляла около 30 м, вес снаряда – около 7 т, калибр – 800 мм, а лафет достигал высоты трехэтажного дома. Как вспоминал Манштейн, «потребовалось около 60 железнодорожных составов, чтобы по специально проложенным путям доставить это чудовище на огневую позицию. Для его прикрытия постоянно стояло наготове два дивизиона зенитной артиллерии» [1, с. 274]. Не понятно, почему комендант береговой обороны генерал-майор П.А. Моргунов в своих мемуарах сомневался, что «Дора» стреляла по Севастополю. Более того, он полагал, что ее там вообще не было. «Некоторые наши раненые командиры, попавшие в плен, а затем бежавшие, говорили, что слух об этом орудии, будто бы стрелявшем по Севастополю, был специально пущен гитлеровцами», – утверждал П.А. Моргунов [2, с. 309]. Манштейну был придан и 8-й авиационный корпус. С 20 мая враг ежедневно обрушивал на город тысячи бомб и снарядов. На некоторые участки фронта одновременно совершали налеты 200–250 немецких самолетов. 17 дней немцы обстреливали и бомбили город. Особенно интенсивным обстрелам Севастополь, его окрестности, боевые позиции советских частей были подвергнуты в первую неделю июня. Так, Особый отдел НКВД Приморской армии сообщал, что 4 июня «противник группами по 20–30 самолетов в течение дня бомбардировал боевые порядки, артиллерию, командные пункты частей, группы самолетов непрерывно бомбят город, сброшено 2000 фугасных и много зажигательных бомб. Город третьи сутки горит. Артиллерия противника мощными огневыми налетами в течение дня обстреливает тылы, боевые порядки, артиллерию, командные пункты. Доты обстреливают тяжелой артиллерией,

включая 400-мм мортиры, выпущено 5000 снарядов» [3, с. 498]. Участник обороны, матрос – связист Г.Е. Замиховский вспоминал о тех днях: «Начиная с первого июня, немцы бомбили без перерыва и круглосуточно обстреливали из тяжелых орудий, а где-то с 5-го июня, мы уже своих «сталинских соколов» в воздухе фактически не видели. Небо было черное от немецких самолетов. Помню свои доклады в те горькие дни: «Сектор 18 – вижу сто немецких самолетов, сектор 22 – вижу семьдесят немецких бомбардировщиков». Они нас просто с землей ровняли. От этих бомбежек люди сходили с ума в буквальном смысле. Становилось жутко. Весь город пылал от огня пожаров, горизонт утонул в дыму» [4].

В эти дни (2–7 июня) немецкая авиация сделала свыше 9 тыс. самолето-вылетов, сбросила до 45 тыс. авиабомб весом 100, 250 и 1000 кг. А артиллерия выпустила 126 тыс. снарядов крупного калибра. На каждый метр передового рубежа обороны противник израсходовал до 1,5 т металла (снарядов, мин, авиабомб). В Севастополе было разрушено 4640 и повреждено 3000 зданий [5, с. 130].

Немецкая авиация непрерывно бомбила советские корабли с боеприпасами и продовольствием для защитников города. Командующий Севастопольским оборонительным районом (СОР) вице-адмирал Ф.С. Октябрьский неоднократно обращался с просьбой о помощи к командующему Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденному, начальнику Генштаба А.М. Василевскому и наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Помощь приходила, но ее было явно недостаточно, новые соединения и вооружение фактически перестали поступать. 28 мая 1942 г. в Севастополе была получена директива командующего Северо-Кавказским фронтом 00201/оп, в которой говорилось:

«1. Противник к наличному составу сил, блокирующих Севастопольский оборонительный район, с 20 мая начал интенсивную переброску войск к Севастополю с целью начать в ближайшем будущем активные действия. По данным всех видов разведки, перебрасывается около четырех пехотных дивизий, одной танковой дивизии и одной легкой пехотной дивизии.

2. Севастопольский оборонительный район имеет прочную систему обороны, могущую противостоять любому наступлению противника.

Приказываю:

1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет.

2. Создать армейский резерв: кроме того, иметь резерв в секторах обороны для нанесения мощных контрударов.

3. В борьбе против паникеров и трусов не останавливаться перед самыми решительными мерами.

Буденный, Исаков, Захаров» [6, с. 248].

Как видно из приказа, главной задачей перед защитниками города было любой ценой удержать город. Но командование фронта и Ставка переоценили возможности СОРа. По мнению ряда исследователей, «обстановка в конце мая – начале июня позволяла флоту резко усилить снабжение советских войск всем необходимым. Однако доставлять с Кавказа было почти нечего. Изменить положение могла только Ставка. Этого не было сделано» [5, с. 145].

Перед началом третьего наступления противник сосредоточил под Севастополем 54-й и 30-й армейские корпуса и горнострелковый корпус румын, некоторые отдельные специальные части и подразделения. Советская оборона на 34-километровом фронте состояла из четырех секторов обороны. Комендантами секторов были, соответственно, командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П.Г. Новиков, командир 386-й стрелковой дивизии полковник Н.Ф. Скутельник, командир 25-й стрелковой дивизии генерал-майор Т.К. Коломиец и командир 95-й стрелковой дивизии полковник А.Г. Капитохин. В резерве командующего Приморской армией генерал-майора И.Е. Петрова находилась 345-я стрелковая дивизия (полковник Н.О. Гузь). Гитлеровцы имели существенный перевес в живой силе и технике: 1060 самолетов против 91, 150 танков против 47, 203800 солдат против 118890. Наконец на рассвете 7 июня сотни немецких орудий и минометов, множество пикирующих бомбардировщиков обрушили удар по боевым порядкам защитников Севастополя. В 05.00 немецкая пехота перешла в наступление. Описывая ожесточенные бои, продолжавшиеся «беспрерывно около месяца в самое жаркое время года (уже рано утром температура достигала 50 градусов)» Манштейн вынужден был признать, что

сила «отчаянного сопротивления» советских частей, заключались не только «в благоприятной для него местности», но и «в выносливости и невероятной стойкости русского солдата» [1, с. 278].

Однако с каждым днем силы севастопольцев таяли, заканчивались резервы. В условиях полной блокады врагом Севастополя с суши снабжение войск СОР всем необходимым осуществлялось только морем. Потери Черноморского флота были значительны. Например, начальник особого отдела НКВД Черноморского флота Ермолаев 16 июня шифротелеграммой № 1492 сообщал, «что в последние дни авиация противника, господствуя в воздухе, при недостатке боезапаса зенитного огня батареей Главной базы в Севастополе, потопила один эсминец, один тральщик, один катер-охотник и два лучших транспорта, груженных боеприпасами и войсками» [3, с. 504]. Поставки морем не компенсировали потерь. Тот же Ермолаев 22 июня донес: «Маршевое пополнение идет слабо, за 2 дня поступило до 700 человек. Доставка боезапаса не покрывает дневного расхода. Севастополь имеет до 35000 мин при ежедневном расходе 5000... Активные действия авиации противника в течение всего времени действуют на моральное состояние войск» [3, с. 508]. Другой пример: за первые шесть дней немецкого наступления было доставлено маршевого пополнения около 5 тыс., а потери составили 10650, в том числе только убитыми почти 4 тыс. человек [6, с. 268, 271, 273, 277, 279].

Особенно ожесточенные бои развернулись ст. Мекензиевы Горы. На Северной стороне Севастополя держала оборону 365-я зенитная батарея (немцы дали ей название форт «Сталин»). 13 июня гитлеровцы прорвались к позициям батареи. У ее защитников не осталось орудий, снарядов. И тогда старший лейтенант И.С. Пьянзин передал в эфир: «Отбиваться нечем. Личный состав весь выбыл из строя. Открывайте огонь по нашей позиции, по нашему командному пункту» [7, с. 163]. Это были его последние слова.

17 июня 1942 г. немцы вышли к Инкерману и к Сапун-горе через третий сектор обороны. В тот же день батарея № 30 («Максим Горький I») была окончательно блокирована противником. Расстреляв все снаряды, окруженный гарнизон батареи (около 200 человек) во главе с командиром Г.А. Александром продолжал сражаться с противником, ведя огонь из ам-

бразур. Гитлеровцы неоднократно предлагали сдаться, но в ответ слышали одно: моряки живыми в плен не сдадутся. Тогда фашисты забили выхлопные трубы дизелей песком, и они остановились. Противник пытался выкурить защитников батареи из помещений с помощью подрывных зарядов, бензина и горючих масел. От удушливого дыма раненые задыхались, многие умирали. Герои-артиллеристы взорвали башни, дизели, приборы стрельбы. На батарее не стало воды, продуктов питания. Подорвав входные бронированные двери, враги ворвались внутрь. 25 июня Г.А. Александеру и нескольким бойцам удалось вырваться через водосток, но через сутки предатель из местного населения опознал майора и выдал фашистам. Александера пытали в тюрьме в Симферополе, а затем расстреляли.

К исходу 20 июня гитлеровцы заняли Северную сторону бухты, за исключением четырех опорных пунктов (в районах Константиновской и Михайловской батарей, Инженерной пристани), небольшие гарнизоны которых стояли насмерть. До последнего сражался гарнизон Сухарной балки под командованием начальника артиллерийского арсенала базы майор Н.К. Федосеев. В ходе боев противник потерял более десятка танков, сотни солдат и офицеров, но продолжал рваться к отвесным скалам, в которых для размещения боеприпасов были устроены глубокие штольни с бронированными воротами. Развязка наступила 25 июня. Когда немцы ворвались на площадку в районе штольни № 1, краснофлотец А.К. Чикаренко ценой собственной жизни подорвал ее вместе с двумя сотнями гитлеровцев. Вскоре советские воины подорвали и другие штольни блокированного гарнизона в Маячной балке. Майор Н.К. Федосеев разрешил всем желающим переправиться через бухту вплавь, а сам с небольшой группой бойцов остался в Сухарной балке до конца. Майор погиб, замкнув цепь проводов к заминированным воротам площадки штольни № 11, и взорвав вместе с собой десятки вражеских солдат и офицеров. Только к исходу 28 июня немцам удалось овладеть практически пустыми штольнями.

Как пишет Г.И. Ванеев, по сути, с падением Северной стороны судьба города «была уже предрешена. Однако тогда никто не говорил об этом, как и в послевоенные десятилетия». Командование СОР продолжало настаивать на поставках подкрепления в Севастополь. Вице-адмирал Ф.С. Октябрьский 21 июня сообщил начальнику Генштаба, что для восста-

новления положения на Северной стороне потребовалось бы не менее 10 тыс. человек, не менее одной стрелковой дивизии и одной стрелковой бригады. После войны вопрос о целесообразности снабжения Севастополя после 20 июня вызывал споры среди участников обороны города. Одни утверждали, «что поскольку судьба города была предрешена, то и все поставки следовало прекратить; другие, наоборот», полагали, что «они должны были быть более интенсивными» [5, с. 206].

Для снабжения войск СОР были направлены транспортные самолеты ПС-84 («Дуглас») московской авиагруппы особого назначения (командир майор М.В. Коротков). Вылетали самолеты с Кубани так, чтобы быть в Севастополе после полуночи. За ночь на Херсонесском аэродроме приземлялось 12–13 машин, доставляя в среднем по 2 т боезапаса каждая. Обратными рейсами вывозили на каждом самолете по 14–16 человек раненых или ценные грузы.

25 июня гитлеровцы демонстративно разбомбили и подожгли музей–панораму «Оборона Севастополя». Жители города и моряки бросились спасать его. Для того чтобы вынести полотно из огня, пришлось разрубить его топорами на 86 отдельных кусков. На другой день произведение Ф. Рубо погрузили на корабль «Ташкент». Это был последний рейс надводного корабля. Связь с Севастополем теперь поддерживалась только самолетами и подводными лодками, которые вывозили из осажденного города раненых, стариков, женщин и детей. 26 июня вражеская авиация разбомбила аэродром Херсонесский маяк, разрушив летное поле и выведя его из строя. В третьем секторе обороны части 25-й дивизии и 3-го полка морской пехоты упорно оборонялись, но все их попытки не допустить выхода немцев в Инкерманскую долину оказались безуспешными.

В ночь на 29 июня немецкие войска под прикрытием дымовой завесы переправились на катерах и шлюпках с северного берега бухты на южный берег. Последние дни обороны Севастополя стали для его защитников настоящей трагедией. В эти дни героически сражался гарнизон Малахова кургана. Только когда умолкло последнее орудие 701-й береговой батареи, оставшиеся в живых защитники кургана ночью прорвали кольцо окружения и отошли в район мыса Фиолент. 30 июня наступил критический момент – у защитников Севастополя практически закончились артбоеприпа-

сы. У них оставалось всего 1259 снарядов для полевой артиллерии среднего калибра и ни одного снаряда для тяжелой артиллерии [5, с. 131]. Утром этого дня командующий СОР вице-адмирал Ф.С. Октябрьский отправил телеграмму командованию Северо-Кавказским фронтом и наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову, в которой, отметив тяжелую обстановку, предположил, что войска продержатся «максимум 2–3 дня». И далее Октябрьский просил разрешить ему «в ночь с 30 июня на 1 июля вывезти самолетами 200–250 человек ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя, генерал-майора Петрова». Об этой телеграмме никто из руководящего состава СОР не знал [5, с. 232].

Вечером 30 июня 1942 г. командование СОР получило разрешение Ставки ВГК на эвакуацию только высшего и старшего комсостава, а также партактива города. В 19.30 в одном из казематов 35-й батареи началось совместное заседание Военных советов ЧФ и Приморской армии. Вице-адмирал Ф.С. Октябрьский предложил оставить старшим в Севастополе генерал-майора И.Е. Петрова. Последний выразил готовность остаться и сделать все, чтобы выполнить боевую задачу. Однако члены Военного совета Приморской армии И.Ф. Чухнов и М.Г. Кузнецов выразили сомнение в целесообразности такого шага. В итоге было решено старшим в Севастополе оставить командира 109-й стрелковой дивизии генерал-майора П.Г. Новикова со штабом, так как его сектор оборонял район Херсонесского мыса и войска других секторов отходили туда же.

В ночь на 1 июля 1942 г. командующий Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденный приказал заместителю командующего флотом контр-адмиралу И.Д. Елисееву «все находившиеся в строю катера МО, подлодки, сторожевые катера и быстроходные тральщики последовательно направлять в Севастополь для вывоза раненых, бойцов и документов» [5, с. 235]. Однако приказ об эвакуации войск запоздал, поскольку Черноморский флот был уже не в состоянии осуществить ее своими силами. На самолетах и подводных лодках удалось выбраться лишь руководству гарнизона. В ночь с 30 июня на 1 июля двумя подводными лодками и 14 транспортными самолетами «Дуглас» (ПС-84) было вывезено 600 человек руководящего состава. Когда командующий Черноморским флотом и СОР вице-адмирал

Ф.С. Октябрьский и член Военного совета флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков подошли к последнему самолету, покидавшему Херсонесский аэродром, то их узнали. Скопившиеся на аэродроме измученные боями, голодом и жаждой, усталые бойцы возмущенно зашумели, началась беспорядочная стрельба в воздух. В этой угрожающей обстановке военком 3-й особой авиагруппы главной базы полковой комиссар Б.Е. Михайлов, который должен был улететь вместе со всеми, объяснил бойцам, что командование улетаёт, чтобы организовать эвакуацию защитников Севастополя, а сам остается с бойцами. Генерал-майор И.Е. Петров и командный состав Приморской армии покинули Севастополь на подводной лодке «Щ-209». В последующие дни на сторожевых катерах, тральщиках, подводных лодках, буксирах и других плавсредствах было эвакуировано еще 2415 человек.

В такие тяжелые дни люди проявляли лучшие человеческие качества. Знаменитый севастопольский хирург, военврач первого ранга В.С. Кофман мог улететь из города, «у него был посадочный талон на один из последних самолетов, покидавших Севастополь. Но он отдал его медсанбатовской медсестре Кононовой, у которой был маленький ребенок». Она спаслась, а военврач В.С. Кофман «добровольно остался с ранеными, разделив их трагическую судьбу», и, как еврей, был расстрелян немцами [4].

Начальник Управления Особых отделов НКВД СССР В.С. Абакумов в справке от 1 июля 1942 г. сообщал: «В беседе со мной [...] командующий Черноморским флотом т. Октябрьский, находящийся в Новороссийске, о положении в Севастополе сообщил: [...] в ночь с 30 июня на 1 июля противник ворвался в город и занял районы: вокзал, Исторический бульвар, Херсонесский аэродром и др. Оставшиеся бойцы дерутся героически, в плен не сдаются, при безвыходном положении уничтожают сами себя. [...] Севастополя, как города, нет, разрушен» [3, с. 495].

Враг стремился в первую очередь уничтожить береговые батареи. 1 июля на батарею № 14, располагавшуюся на берегу Стрелецкой бухты, двинулись в атаку танки и пехота. Моряки вели огонь прямой наводкой, пока не кончились снаряды. Находясь в окружении, гарнизон не сдался врагу. В своей последней радиограмме командир батареи старший лейтенант Г.И. Халиф передал: «Боеприпасов нет, фашисты атакуют, идем в контратаку. Прощайте, товарищи!» [2, с. 453]. В этой контратаке командир

батареи и большая часть моряков погибли. На правом фланге обороны до последнего снаряда сражалась 18-я батарея старшего лейтенанта Н.И. Дмитриева.

Береговая батарея № 35 до конца сражалась на оставшемся клочке Севастопольской земли – Херсонесском полуострове. Ее выстрелы были последними в героической обороне Севастополя. В ночь с 1 на 2 июля советские воины взорвали башни. 4 июля 1942 г. город был оставлен. Тысячи голодных, израненных бойцов, отстреливаясь до последнего патрона на скалах Херсонеса, все еще надеялись на эвакуацию. Враги прочесывали пулеметно-автоматным огнем скалы, бросали вниз на головы наших бойцов сотни ручных гранат. Генерал-полковник фон Манштейн вспоминал о неоднократных попытках советских воинов «прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов» [1, с. 288].

Исчерпав все возможности к сопротивлению, израненные и изнуренные в непрерывных боях, без еды и воды, оставшиеся в живых защитники Севастополя были обречены на смерть и плен. Погиб полковой комиссар Борис Евгеньевич Михайлов. Гитлеровцы захватили в плен генерал-майора Петра Георгиевича Новикова. В августе 1944 г. он был убит охраной в концлагере Флессенбург. Утром 9 июля гитлеровцы на катерах подошли к берегу и блокировали осажденных с моря. Еще через три дня немцы стали «зачищать» берег, обстреливая и забрасывая его гранатами. По разным данным, гитлеровцы захватили в плен от 75 до 80 тыс. защитников Севастополя. Такого мрачного развития событий Ставка не ожидала.

До сих пор не объяснены причины отказа Ставки от организации масштабной эвакуации всех войск из Севастополя на Кавказ. Спустя годы, 18–19 мая 1961 года в Севастополе состоялась военно-историческая конференция, посвященная 20-тилетию начала обороны города. В работе конференции приняли участие 800 человек – участников обороны, среди которых было до 80% побывавших в плену. Всех участников волновал вопрос: почему не была эвакуирована Приморская армия? С таким вопросом в пре-

зидиум конференции поступило огромное количество записок. Участник той встречи Г.Е. Замиховский вспоминал: «люди вставали в зале с мест и спрашивали прямо у сидящих за длинным столом, на сцене, наших бывших руководителей обороны: «Почему нас предали? Почему нас бросили?». Октябрьский с трибуны: «Успокойтесь товарищи. У нас был приказ Сталина и Буденного оставить город, с целью организации эвакуации оставшихся защитников, морем на Кавказ» [4]. Адмирал Ф.С. Октябрьский привел в своем докладе данные о численном составе защитников Севастополя в июне 1942 года. По его словам, в обороне Севастополя в июне 1942 года участвовало всего 127238 человек, куда входят численный состав войск оборонительного района по состоянию на 6 июня 1942 года и все пополнения, поступившие с Большой земли в течение этого же месяца. При этом в срок до 30 июня было эвакуировано 23000 раненых; вывезено в ночь на 1 июля и в последующие дни различными видами транспорта 2937 человек.

Объясняя причины несостоявшейся эвакуации, адмирал Октябрьский сказал: «Обстановка сложилась тогда очень тяжелая. Севастополь был блокирован противником с земли и моря. В конце июня блокада при помощи воздушных сил достигла наивысшего предела, даже подводные лодки не были в состоянии достичь берегов Севастополя, а о достижении их надводными кораблями и говорить не приходилось. В этих условиях встал вопрос – как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потери и армия, и флот, оказавшийся сильно уменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете, была потеряна армия, но сохранен флот» [8, с. 223–224].

Героическая оборона Севастополя имела важное стратегическое значение. Советские воины сорвали планы противника, намечаемые на весну 1942 г., в значительной степени способствовали задержке вражеского наступления к Волге и на Кавказ. Рядовой 142-й отдельной стрелковой бригады Ф.П. Землянский, находившийся в 35-й батарее и взятый в плен 12 июля запомнил, как немец-переводчик перед строем пленных сказал что «мы своим бессмысленным сопротивлением задержали отправку немецких войск на Кавказский фронт» и когда он кончил говорить, то из строя пленных вышел подполковник или полковник и сказал следующее: «Дорогие мои товарищи, защитники Севастопольской обороны, мы сейчас в плену у врагов, но мы не сдались, мы стойко и честно защищали наши священные

рубежи. И если кому из нас доведется остаться в живых, то передайте соотечественникам о том, что мы свой воинский долг выполнили до конца, пусть знают об этом люди!» [9].

Таким образом, история последних дней обороны Севастополя требует своего дальнейшего изучения, так как многие вопросы до сих пор остаются без точных ответов.

### **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:**

- 1. Манштейн Э.** Утерянные победы. Ростов-на-Дону, 1999. – 640 с.
- 2. Моргунов П.А.** Героический Севастополь. М., 1979. – 516 с.
- 3. Черепков А.П.** Донесения военной контрразведки о положении в Севастополе // Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. – М., 2012.
- 4.** Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны [электрон. ресурс] URL: <http://iremember.ru/memoirs/krasnoflotsi/zamikhovskiy-grigoriy-efimovich/>
- 5. Ванеев Г.И.** Севастополь, 1941–1942: Хроника героической обороны. Кн. 2. – Киев, 1995. 252 с.
- 6.** Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 2. – М., 1946.
- 7. Ванеев Г.И.** Черноморцы в Великой Отечественной войне. – М., 1978. – 382 с.
- 8. Пискунов Д.И.** Заключительный этап обороны Севастополя. Лето 1942. – Севастополь, 2013. – 224 с.
- 9. Маношин И.С.** Героическая трагедия: О последних днях обороны Севастополя (29 июня–12 июля 1942 г.) [электрон. ресурс] URL: [http://militera.lib.ru/h/manoshin\\_is/02.html](http://militera.lib.ru/h/manoshin_is/02.html)